

18+

Алекс Край

**Осколки
разбитого
зеркала**

Алекс Край

Осколки разбитого зеркала

«Издательские решения»

Край А.

Осколки разбитого зеркала / А. Край — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690228-2

Тяжелая психологическая драма о том, что страшнее смерти — потеря себя в глазах того, кто был ближе всех. Рассказ, после которого на мир смотришь иначе.

ISBN 978-5-00-690228-2

© Край А.
© Издательские решения

Содержание

АННОТАЦИЯ	6
Часть 1: Удар	7
Часть 2: Звонок	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Осколки разбитого зеркала

Алекс Край

© Алекс Край, 2026

ISBN 978-5-0069-0228-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АННОТАЦИЯ

Тяжелая психологическая драма о том, что страшнее смерти – потеря себя в глазах того, кто был ближе всех. Рассказ, после которого на мир смотришь иначе.

Ли́ка и Артём были счастливы. Пока однажды ночью всё не оборвалось на повороте. После аварии Ли́ка физически выжила, но её сознание дало трещину. Теперь она живёт в мире, где прошлое осталось нетронутым, а настоящее постоянно стирается. Чтобы заполнить пустоту, её мозг отчаянно выдумывает новые «воспоминания»: совместные походы, разговоры, ссоры – всего этого никогда не было.

Артём, следователь, привыкший искать истину, борется за женщину, которую любит. Но как бороться с болезнью, которая каждый день делает его чужим в её глазах? Как опровергнуть ложь, в которую она верит всем сердцем?

Это история не о надежде, а о мучительном, неизбежном прощании. О том, как любить того, кто тебя больше не помнит. И как оставаться собой, когда от тебя требуют сыграть роль в чужом, искажённом сне.

Часть 1: Удар

Последнее, что Лика помнила ясно – это лунную дорожку на асфальте. Длинную, белую, как расстеленная холстина, уходящую в темноту за поворотом. Она ехала одна. В салоне пахло кожей, кофе из термоса и одиночеством. Ссора с Артёмом гудела в висках навязчивым, невысказанным текстом. Он не понимал. Никогда не поймёт этой жажды – не просто писать иконы, а возвращать лики. Вызывать их из небытия копоти, лака и времени. Этот новый заказ – был её шансом. И её крестом. Артём называл это «бегством от реальности». А она мчалась навстречу этой реальности по ночной трассе, давя на газ, будто могла оставить сомнения позади.

Поворот был круче, чем она думала. И темнее.

Лунная дорожка исчезла, съеденная тенью холма. А потом в свете фар возник Он. Отбойник. Не постепенный скос, а грубый бетонный зубец, выросший из земли как ребро исполинского зверя.

Мысли не было. Был чистый, животный ужас, вскипевший в крови. Нога ударила по тормозу – слишком поздно, слишком резко. Шины взвыли, потеряв сцепление с мокрым асфальтом. Руль вырвался из рук, став куском бешеной, непослушной плоти.

Мир перевернулся.

Не в буквальном смысле. Это было хуже. Он сложился. Лобовое стекло стало полом. Небо с одинокой звездой – где-то сбоку. Звук – не грохот, а вселенский хруст, идущий изнутри, будто ломались не стальные силовые элементы кузова, а её собственная конструкция, каркас памяти, костяк личности. Голова с силой рванулась вперед, ударилась о боковой край руля – не о подушку, а о твердый, бездушный пластик.

Тишина.

Глубокая, давящая, звонкая тишина, нарушаемая только шипением пара из пробитого радиатора. Пахло пылью, бензином и чем-то сладковато-металлическим – её собственной кровью, стекающей по виску.

Она попыталась пошевелиться. Боль пронзила плечо, ключицу. Но это была ничто. Главное было внутри черепа. Там бушевала метель. Мысли, обрывки, образы – всё смешалось в белый, ревущий шум. Она вспомнила, как в детстве уронила на пол бабушкину фарфоровую иконку. Та разбилась, и лик святого оказался разрезан трещиной на две нестыкующиеся половины. Так и сейчас – её сознание было той иконкой. А трещина прошла ровно посередине, навсегда разделив «до» и «после».

Она увидела перед глазами березу. Старую, с черным дуплом, похожим на глазницу. Они с Артёмом... Нет, она одна... Ключи. Нужно найти ключи и отдать... Кому? Зачем?

Свет фар другой машины скользнул по салону, осветив её перекошенное отражение в темном стекле. Она не узнала свое лицо.

Издалека донесся сиренный вой. Он нарастал, приближаясь. Но Лика уже не понимала, что это значит. Она смотрела в темноту, пытаясь собрать воедино рассыпавшиеся осколки березы, ключей, лунной дорожки, боли. Они не складывались.

Последнее связное ощущение – холод. Ледяной холод, ползущий от ног к сердцу. И белый шум в голове, который затихал, поглощая все. Даже страх.

Часть 2: Звонок

Артёму позвонили в четыре утра.

Он проснулся от звона в пустой квартире. От её пустоты. От её тишины. Они поссорились, и она уехала в мастерскую. Он ждал, что она остынет и вернётся к утру. Но вернулся только этот звонок, режущий тишину как стекло.

– Аллю?..

– Говорит дежурный врач городской больницы №3. Вы Артём? Вы значитесь как экстренный контакт для Лики Светловой?

Холодная волна прошла от копчика до затылка.

– Да. Я. Что случилось?

– Гражданка Светлова доставлена к нам в результате ДТП. Состояние средней степени тяжести. Вам необходимо срочно приехать.

Он не помнил, как одевался, как садился в машину. В голове гудело одно: «Она же должна была быть дома. Она сказала, что работает в мастерской до утра. Она соврала? Зачем?».

Пустынные ночные улицы мелькали за окном как кадры чужого кино. Он гнал, нарушая все правила, и единственной мыслью было – не опоздать. Как будто если он приедет вовремя, то всё окажется правдой.

В приёмном покое пахло хлоркой, лекарствами и страхом. Ему указали на дверь. За ней, на койке, под простыней, лежала Лика. Лицо бледное, как бумага, в густых ресницах – тени. На виске – аккуратная повязка, из-под которой выползал синяк лилового, неземного цвета. Рука в гипсе. Она спала или была без сознания – он не мог понять.

– Она за рулём была? – спросил он у медсестры, голос прозвучал хрипло.

Та кивнула, не глядя: «Одна. Врезалась в отбойник на выезде с трассы. Свидетелей нет. Камера зафиксировала только сам момент. Машину выбросило на обочину».

Он подошёл, сел на стул у койки, взял её здоровую руку. Пальцы были холодные. Он ждал. Часы пробили пять, шесть. За окном посветлело. Больница просыпалась, начинала шуметь, но в их маленьком боксе была лишь тишина и мерный звук её дыхания.

Она открыла глаза в семь тридцать.

Сначала просто смотрела в белый потолок. Потом медленно, с видимым усилием, повернула голову. Увидела его. В её карих глазах не вспыхнуло ничего. Ни облегчения, ни любви, ни даже вопроса. Просто ровное, безразличное созерцание, будто она смотрела на предмет мебели.

– Лик, – выдохнул он, сжимая её пальцы. – Милая, что случилось? Как ты?

Она моргнула. Её губы шевельнулись.

– Я... – голос был слабым, сиплым. – Я хотела найти берёзу.

Артём нахмурился.

– Какую берёзу?

– С дуплом. Там... там должны быть ключи. – Она говорила с такой уверенностью, с такой сосредоточенной серьёзностью, что у него на мгновение показалось – он что-то упустил.

– Какие ключи, солнце? От чего?

Она сморщилась, будто от боли, но не физической.

– Не помню... Но они важные. Я должна была тебе отдать.

Она замолчала, закрыла глаза. Он подумал – бред, последствия травмы, медикаменты. Пройдёт.

Но это не прошло. Это стало их новой реальностью.

Выписали её через неделю. Дома она была тихой, покорной, но странно отстранённой. Она забывала, куда положила телефон через пять минут после того, как клала. Готовила чай и уходила в комнату, оставив кипеть пустой чайник. Но главное – её память начала творить.

– Ты не принёс молоко, как просила, – говорила она с лёгким укором, встречая его с работы.

– Ты не просила, Лик.

– Просила. Утром. Ты же кивнул.

Этого разговора не было.

Она рассказывала матери, как они «вчера вечером смотрели тот старый французский фильм» (они не смотрели). Искала несуществующую книгу, которую «только что держала в руках». Её мозг, лишённый возможности записывать новое, отчаянно пытался сохранить связность картины мира. Он заполнял провалы готовым материалом из прошлого, случайными обрывками, чистым вымыслом. И делал это с убедительностью истины.

А однажды ночью он проснулся от её всхлипываний. Она сидела на кровати, прижав колени к груди, и дрожала.

– Артём... – она выговорила его имя с таким трудом, будто разучивала иностранное слово. – Я... я не помню, как мы познакомились. Я пытаюсь, а там... пусто.

Он обнял её, прижал к себе, чувствуя, как бьётся её сердце – маленькое, перепуганное животное в клетке из собственного черепа.

– Всё хорошо, – шептал он в её волосы, глядя в темноту. – Я с тобой. Я всё помню за нас обоих.

Он врал. Он не мог помнить за неё. Он мог только наблюдать, как женщина, которую он любил, медленно растворяется в тумане, оставляя после себя лишь беспомощную, чуждую тень, которая иногда говорит её голосом и смотрит её глазами, но уже не она.

И самое страшное было в том, что авария, та самая, с отбойником и ночной дорогой, продолжалась. Она длилась каждый день, каждый час, тихо и необратимо стирая Лику. А он был лишь пассажиром в этой бесконечной аварии, неспособным ни свернуть руль, ни нажать на тормоз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.